

Е.В. Амелина

Анализ стихотворения А.С. Пушкина «К морю»

Первоначальный вариант стихотворения «К морю» был написан Пушкиным в южной ссылке, в Одессе. Возвратился к этому посланию поэт уже в новой ссылке — в Михайловском, в 1824 году. Это стихотворение завершало собой романтический период творчества Пушкина.

В этом произведении весьма ощутимы элегические мотивы. Причем в элегическом разочаровании у Пушкина соединяются три различные жизненные сферы — философская, историческая и конкретно-биографическая, и взаимопроникновение этих сфер сохраняется в каждой строчке стихотворения.

В начале стихотворения преобладает личностный, конкретно-биографический аспект. Элегический мотив грусти возникает у поэта при расставании с морем:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Далее доминируют философские размышления Пушкина. Море здесь — «свободная стихия», как и мир человеческой Души. Именно потому оно так притягивает к себе, так близко и дорого поэту:

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Море своенравно и прихотливо, как и человеческие порывы. Оно непредсказуемо, как и тайные душевные желания. Море может быть тихим, умиротворенным, но может быть и грозным, несущим гибель человеку:

Смиранный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый, —
И стая тонет кораблей.

Точно так же гибнет человек, отдавшийся во власть стихии страстей, безумных желаний, импульсивных порывов. Однако образ моря символизирует здесь не только мир человеческой души, но и судьбу. Она так же своенравно играет людьми, неся и радость, и неожиданную гибель. С непредсказуемой морской стихией Пушкин сравнивает и любовь, страсть, сильное чувство, подчиняющее себе все устремления и поступки. Однако любовь нередко сковывает волю человека, становится своеобразным пленом души, вдохновенья:

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

Здесь вновь преобладают авторские эмоции, а затем следует переход в исторический план. Романтический образ моря, вольной, свободной стихии рождает в сознании поэта воспоминания о герое с необыкновенной судьбой — Наполеоне, нашедшем свою смерть рядом с морем, на острове Святой Елены:

Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Другой романтический герой в стихотворении — поэт Байрон. Наполеон и Байрон... Пушкин недаром связывает два этих образа воедино. Байрон много писал о Наполеоне, его очень интересовала личность полководца.

Таким образом, мотив грусти, возникающий в начале стихотворения, проходит через исторический экскурс поэта: Пушкин вспоминает о гибели Наполеона, о смерти Байрона. Затем мотив этот через личные переживания выходит на внесюжетный, внеличностный, философский план:

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

Обращает на себя внимание, что поэт тиранию приравнивает к просвещению. Однако здесь под «просвещением» подразумевается «культура», мир цивилизации, лишивший человека свободы и естественности душевных движений. В понимании поэта цивилизация является «тираном», насильственно вмешивающимся в свободное течение человеческой жизни. Противопоставление цивилизованного человека миру природы всегда было характерно для пушкинского творчества (Пленник и Черкешенка, Алеко и старый цыган, Онегин и Татьяна). В данном стихотворении мотив природы лишь угадывается: он выступает альтернативой «просвещению» и тирании, той несбыточной мечтой, о которой поэт вопрошает океан.

Заканчивается стихотворение по-пушкински жизнеутверждающе. Прощаясь с морем, поэт обещает хранить образ свободной стихии в своей душе, соответствовать идеалу естественного, природного человека:

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Композиция стихотворения подчинена основной идее, идее свободы. Первая часть — это описание моря. Здесь Пушкин использует выразительные эпитеты («волны голубые», «гордою красой»), сравнения и анафоры («Как друга ропот заунывный, Как зов его в прощальный час, Твой грустный шум, Твой шум призывный Услышал я в последний раз»), перифразы («Прощай, свободная стихия!», «Моей души предел желанный!»), метафоры («я был окован»), бессоюзие («Как я любил твои отзывы, глухие звуки, бездны глас»), инверсию («У берегов остался я...»). Здесь также используются и обращения («свободная стихия», «Моей души предел желанный»), благодаря которым создается впечатление «беседы с морем». Поэт использует и общеупотребительную лексику, и славянизмы («глас», «рыбарей», «брег», «вотще»).

Для начала первой части характерен несложный синтаксис — простые предложения, в составе которых есть сравнения, однородные члены, причастные обороты. В конце первой части уже есть сложные предложения, союзные сложносочиненные и бессоюзные. Усложнение синтаксиса здесь отражает углубление основной темы произведения.

Замечателен и фонетический строй стихотворения. Уже в первой части мы встречаем аллитерации (повтор автором согласных звуков) и ассонансы (повтор гласных):

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Во второй части стихотворения Пушкин развивает тему свободолюбивой личности, душа которой подобна морской стихии. Здесь возникают образы Наполеона и Байрона. Вторая часть начинается с риторических вопросов («О чем жалеть? Куда бы ныне Я путь беспечный устремил?»). Здесь также есть точные, выразительные эпитеты («путь беспечный», «торжественная краса»), анафоры («Как ты, могущ, глубок и мрачен, Как ты, ничем неукротим»), перифразы («гробница славы», «Он был, о море, твой певец»), обращение («о море»), сравнение («как бури шум»), инверсии («Он духом создан был твоим»). Кроме общеупотребительной лексики, поэт использует слова высокого стиля («почил», «властитель наших дум», «венец») и славянизмы («хладный», «могущ»).

Во второй части стихотворения также встречаются аллитерации и ассонансы: здесь часто повторяются шипящие «ш», «щ», «ч», протяжные гласные «у» и «о», звонкий «р». Переключки этих звуков напоминает однотонный, заунывный ропот моря.

Исследователи неоднократно отмечали нарушение грамматических норм в обращении поэта к морю. «Ты ждал, ты звал...» — Пушкин обращается «к морю», используя мужской род, хотя существительное «море» — среднего рода. Убедительное объяснение этому дает Е. Маймин. Исследователь замечает, что море ассоциируется в сознании поэта с другом «и ощущается как друг», поэтому «неправильное» словоупотребление внутренне оправданно.

В этом стихотворении мы можем выделить и третью часть. Поэт погружается в философские раздумья о человеческой судьбе, а затем вновь обращается к образу моря. И чувство безнадежности здесь уравнивается этим обращением. В третьей части используются обращения («Теперь куда же Меня б ты вынес, океан?», «Прощай же, море!»), эпитеты («пустыни молчаливы», «торжественной красоты»), многосоюзие («И блеск, и тень, и говор волн»), риторический вопрос («Теперь куда же Меня б ты вынес, океан?»). Пушкин использует высокую лексику («тиран», «благо»).

Кроме того, здесь также есть аллитерации и ассонансы:

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Пушкинские стихотворения, в том числе «К морю», вызывали восхищение Белинского. Анализируя романтические «пьесы» поэта, критик писал:

«Вглядитесь и вслушайтесь в этот стих, в этот оборот мысли, в эту игру чувства: во всем найдете чистую поэзию, безукоризненное искусство, полное художество, без малейшей примеси прозы, как старое крепкое вино, без малейшей примеси воды».

Думается, оценка эта справедлива и по сей день.